

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССКОЙ

9 декабря — 90 лет со дня рождения Максима БОГДАНОВИЧА

ДРУЖБА КУЛЬТУР — ДРУЖБА НАРОДОВ

БОГДАНОВИЧ-ПОЭТ — ОДНО ИЗ РЕДЧАЙШИХ, ЧРЕЗВЫЧАЙНО СВОЕОБРАЗНЫХ ЯВЛЕНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ВМЕСТЕ С ТЕМ ОН ПРИНАДЛЕЖИТ К ТЕМ ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ ОЛИЦЕТВОРЯЮТ В СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРУЖБУ ТРЕХ КУЛЬТУР — БЕЛОРУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ, РУССКОЙ.

М. РЫЛЬСКИЙ.

НЕМЕРКНУЩЕЕ СЛОВО

Максим Богданович — одна из вершин белорусской поэзии начала XX столетия, современник и соратник Янки Купалы и Якуба Коласа. Только десять лет работал он в литературе, но и за это короткое время сделал столько, сколько иной не сделает и за всю жизнь. Он оставил нам глубокоую, оригинальную лирику, поэмы и баллады, написанные по народным мотивам, обогатил белорусскую литературу художественными переводами русской и мировой классики, ввел новые формы и жанры, был первым нашим профессиональным критиком, вдумчивым исследователем литературы, писал публицистические статьи и рассказы, работал над созданием букваря и хрестоматии для белорусской школы.

Трагично сложилась его жизненная и творческая судьба. Родился Максим Богданович 9 декабря 1891 года в Минске в семье педагогов. Отец его, Адам Егорович, человек широко образованный и энергичный, со всей страстью отдавался педагогической и общественной деятельности, был этнографом и фольклористом. Мать, Мария Афанасьевна, с любовью воспитывала детей, пробовала свои силы в художественной прозе. Раннее детство поэта прошло в белорусском городе Гродно, куда отца перевели по службе. Родители отдавали много внимания детям, их духовному развитию, прививали любовь к природе. Талантливый, впечатлительный, восприимчивый ко всему окружающему, Максим мог в этих условиях развивать свои лучшие задатки. Но вскоре семья постигло первое горе, от которого зависело потом многое.

На 28-м году жизни умирает от туберкулеза мать. Отец с осиротевшими детьми переехал в Нижний Новгород. Около 12 лет (с 1896 по 1908) он жил и работал рядом с Максимом Горьким, часто встречался с ним. Они были друзьями.

В 1902 году М. Богданович поступил в первый класс Нижегородской мужской гимназии. В это же время начинает писать стихи на белорусском языке. Вслед за своим старшим братом Вадимом интересуется политикой, принимает участие в работе гимназических кружков, в революционном движении молодежи. Вскоре семья переезжает в Ярославль. Учеба в Ярославской гимназии, затем юридическом лицее — время интенсивной работы в поэзии и журналистике молодого Богдановича: вдали от Белоруссии он думает и пишет по-белорусски, изучает язык по книгам, фольклорным записям и словарям, встречается позже с белорусскими беженцами времен империалистической войны, читает белорусскую газету «Наша нива», которая издавалась в Вильне. М. Богданович хорошо понимал время, в которое жил. Оно предвещало национальное и социальное освобождение всех народов России.

В 1907 году в «Нашей ниве» было напечатано его первое произведение — лирический рассказ «Музыка», в котором автор высказывал свой взгляд на искусство, предназначенное будить людей от сна, служить им.

В 1911 году поэт приезжает в Белоруссию,

живет около двух месяцев в Вильне и в фольварке вблизи Молодечно, знакомится с деятелями белорусской культуры, с песнями и сказками, слышит живую речь народа и еще крепче утверждает в правильности своего выбора. Он много рассказывал потом отцу и близким о своей поездке, о случившихся, которые видел в музее древностей. Наверное, известное стихотворение, а теперь любимая наша песня, «Случилась ткачиха» возникло в результате этой поездки, как и многие его стихи.

Сжатость, тщательная отделка строки, богатство и сила чувства делают поэзию М. Богдановича нужной людям, доходчивой и доглаголенной. Поэт уверен, что слабое стихотворение не затронет сердца людей, не пробудит их общественное сознание.

Центральное место в творчестве М. Богдановича занимают социальные и патриотические мотивы. Тут можно назвать его стихотворения «Из песен белорусского мужика», «Над могилкой мужика», «Доля мужика», «Народ! Белорусский Народ!», «Межи» и другие.

Наряду с грустью в этих стихах чувствуется гордость человека за свои умелые руки и волю к труду, сознание своего достоинства. В подтексте многих стихов — обличение и протест против несправедливых порядков и неравенства. Цензура тогда многое запрещала печатать поэту. При жизни его вышел только один сборник поэзии «Венок» (Вильня, 1913 г.), а написано им было гораздо больше.

В творчестве М. Богдановича отчетливо звучали революционные мотивы. В романтических образах моря, бури подразумевались силы революции. Прозрачную аллегорическую конкретный подтекст и призывом находим мы в стихотворениях, посвященных родине, пробуждению ее могучих сил. Образы солнца, золотистого, ясного дня, ясной зарницы, драгоценного камня, весны — это образы обновления жизни, светлого будущего, в приход которого искренне верил поэт.

В пейзажной лирике были у него свежие, хотя неброские краски. В философской — свои глубины. В интимной — неповторимые личные переживания. Он сливал воедино красоту и самоотверженность материнства, верную любовь и дружбу. Широко известно его стихотворение «Зорька Венера», которое стало у нас народной песней, последние его стихи, написанные в Ялте.

Горячий патриот своей родины, он любил Россию и Украину, писал по-русски и по-украински, переводил Пушкина и Шевченко.

Поэзия Максима Богдановича широко известна за пределами Белоруссии. Она переведена на русский, украинский, польский, чешский, английский языки. Творчество и имя М. Богдановича глубоко почитаемы на его родине, в Белоруссии. Его изучают в школах и вузах, большими тиражами выходят его книги, исследователи пишут о нем монографии.

В Минске открывается музей Богдановича, будет установлен памятник. Велико и благотворно воздействие М. Богдановича на современную литературную жизнь. Не только творчество, но и сам облик поэта, его самоотверженное, подвизническое служение родной литературе, своему народу вдохновляют молодых авторов, способствуют росту их поэтического творчества. «Его место — в пантеоне мировой славы», — говорят о нем зарубежные исследователи.

М. БАРСТОК,
кандидат филологических наук,
Ялта — Минск.

М. А. БОГДАНОВИЧ.

Рис. В. ВОЛЧЕНКО.

Максим БОГДАНОВИЧ

АХ, ЛЕВОНИХА, ЛЕВОНИХА МОЯ!

Ах, Левониха, Левониха моя,
Добрый словом
вспоминать тебя я.
Нет черной твоих
изогнутых бровей,
А глаза, нигде не встретил
веселей.
Помню гибкую,
податливую стать.
Помню я, как ты
умела целовать.

Ой, Левониха, Левониха моя!
Песни пела ты
не хуже соловья.
Танцевала ты,
проворная и легкая,
и «Метелицу», и «Юрку»,
и «Бычка».
А когда ты в поле жала
свой загон,
Удивлялся
неумелый твой Лявон.

Микола АВРАМЧИК

НА МОГИЛЕ ПОЭТА

Ты спасенья себе
Не нашел и в горах
У земного
Приморского рая...
Захлебнулся в тоске
О весенних борах,
О родном
Истрадавшемся крае.
Обессилев в пути,
Здесь навеки уснул
Среди зелени теплого мая,
Когда розам — цвести,
Продолжая весну,
Когда все после сна
Оживает.
Пусть приятные сны

Ой, Левониха, Левониха моя!
На деревне все с тобою
кумовья.
Ты умела привечать
и угощать
И при этом
слово доброе сказать.
Ты умела — пригласить,
пригласить,
А подчас и возле сердца
оберечь.

Ой, Левониха, Левониха моя!
Много лет тебе
хорошего житья.
Чтобы жить тебе
с народом, не тужить,
Всех вокруг себя,
как прежде, веселить.
Пусть веками
не забуду тебя я.
Ой, Левониха, Левониха моя!
Перевел с белорусского
И. ВАСИЛЕВСКИЙ.

Об отчизне, поэт,
Снялся здесь,
В этом крае незнакомом,
Где, куда ни взгляни,
Вечной зелени свет
Кипарисов —
Земных обелисков.
Жизнь — и днем, и в ночи —
Разнообразие свое
Над твоим
Неумолкающим сердцем
Подняла, как мечи,
Чтоб пронзить небытие.
Охраняя поэта бессмертье.
Перевел с белорусского
М. КАЗАКОВ.

ЯЛТА встретила Максима Богдановича холодным февральским днем 1917 года. Синее до черноты море, свободное от тумана и облаков, несло от розовешего горизонта небольшие волны, легко и осторожно сбрасывало их на берег. Поэт шел вдоль моря по набережной в сторону Приморского парка, усталый с дороги, в поисках пристанища. Шел по улице Николаевской, ниша дом под номером восемь, где у хозяйки Марии Цемко сдавалась комната.

Хозяйка дома встретила его приветливо. Ей с первого взгляда понравился этот красивый молодой человек, скромный и, как ей показалось, даже застенчивый. Откуда ей было догадаться, что он мог иногда спорить до хрипоты, отстаивая свои прогрессивные взгляды, оставаясь на позициях гуманизма во всех случаях жизни. Она и не догадывалась в тот момент, что порог ее дома переступил поэт, человек мечтательный, мягкий, с нежным, почти женственным сердцем.

Светлая, просторная комната, в которой Максим поселился, находилась на втором этаже небольшого двухэтажного домика в глубине двора. К ней вела совершенно изолированная лестница. Из окна комнаты открывался прекрасный вид на море. Сюда доносился размеренный шум его.

Прекрасный уголок для работы. Правда, в комнате холодно. Но ничего, зато никто не будет мешать оставаться наедине с поэзией.

К творчеству своему он относился строго. Никогда не был доволен тем, что написано. Тщательно шлифовал каждую строфу. Считал, что стихи должны отражать глубокие социальные проблемы, исторические судьбы народа, сострадание к обездоленному люду, славить торжество любви. Статьи, стихи, заметки, рецензии М. Богдановича публиковались тогда в разных журналах и газетах: в «Голосе», «Украинской жизни», «Национальных проблемах», «Нашей ниве», «Русском экурсанта». В 1913 году вышел его первый сборник стихов «Венок».

Медленно тянулись плаксивые февральские и мартовские дни капризной ялтинской зимы. Чем ближе чувствовалось приближение весны, тем труднее становилось дышать, тяжелее было на душе. Он знал, что неизлечимо болен... Но, как и каждый в таком положении, надеялся. Нет, не на выздоровление (туда здесь не могло произойти), а на то, что проживет еще хотя бы год, другой. Ведь столько незаконченных замыслов, недописанных стихов!..

Наступили сумерки, и в комнате стало быстро темнеть. Он отложил работу, откинулся на подушку и погрузился в воспоминания юности и первых приезд в Крым.

В 1909-м ему было семнадцать. Он приехал тогда, и отец, по совету врачей, привез

его в Ялту, устроил в пансион на молочной ферме «Шалаш», который находился вблизи от дома А. П. Чехова.

Потом, через шесть лет, будучи студентом, уже без сопровождения отца приехал он в Феодосию, жил в Старом Крыму, ездил в Коктебель. Отец получал от него восторженные письма о красоте здешних мест, о прекрасном климате. Потом все это нашло полное и под-

чудом где-то она достала клуб-

ники. Принесла. Это была последняя радость в его короткой жизни.

Уже несколько дней до этого он чувствовал себя плохо, но не хотел писать отцу, который специально из-за него перевелся по службе в Симферополь. Не хотелось расстраивать старика. И только сегодня, когда ему совсем уже стало худо, решил черкнуть пару слов:

«Здравствуй, старый воробей... писал он карандашом на листке бумаги, — молодому воробью плохо... Температуры высокие, два раза шла кровь, второй раз отлеплялся я ее дней десять, но с этого кровотока из кровати уж не встаю — ослаб окончательно...».

В ту ночь он уже знал, что умирать ему придется в одиночестве, но рядом, под рукой, было его дитя, которое он оставлял после себя, — единственный прижитый к жизни стихов «Венок». Иначе не было бы этих строк:

В светлом крае, где я умираю
В белом доме у синей бухты,
Не одинок я, я книги маю,
Из типографии Мартина
Кухты.

Утром, когда Мария Цемко переступила порог его комнаты, в первое мгновение ей показалось, что он безмятежно спит, откинув одну руку под подушку, в другой держа стихи. У кровати, превратившись в маленький, мокрый комочек, краснела земляника. Он съел всего несколько ягод. На полу лежал смятый листок бумаги. Хозяйка осторожно расправила его:

«Здравствуй, старый воробей... — прочтала она. А где же симферопольский адрес отца? Его не было. Телеграмма полетела в Ярославль, а отец был всего в семидесяти верстах. Они так и не успели встретиться. Через четыре дня на ялтинском кладбище видели одинокого, убитого горем человека. Он долго сидел у свежего земляного холма — под кипарисом. Плечи его изредка вздрагивали от безутешного горя. На могиле поэта земляники из Белоруссии посадили цветы, о которых М. Богданович писал когда-то:

Цветы золотые меня
обступают,
Печально меж ними брожу
одинок.
Вдруг вижу, мне синей
головкой нивает
Родимый, забытый в тени
василек.
Здорово, земляк мой! — чуть
видный в долине,
Понуро, невесело шепчет
он мне,
Вспомнясь, товарищ,
на щедрой чужбине
О бедной, далекой своей
стороне.

Т. БАРСКАЯ.

Вот уже несколько дней он не мог подняться, сильное головокружение заставляло лежать неподвижно. Душил кашель, не хватало воздуха. Он задышался. Озноб сменялся жаром. Хозяйка поняла, что ее квартирант очень плохо. А он ничего не требовал. Только вдруг как-то попросил земляники. Ох, как много ее весной в Белоруссии! Мария Цемко обегала весь город в поисках ягод. Ее квартирант вот уже несколько дней ничего не брал в рот. Ей искренне было жаль этого молодого парня, умирающего на втором этаже ее дома. Каким-то

Есть на географической карте Ялты нет белых пятен, то ее краеведческий вариант таит неограниченные возможности для исследования.

Белорусский поэт М. А. Богданович побывал в Ялте в 1909 году в пансионе «Шалаш» и в 1917-м — в доме № 8 по ул. Николаевской. На его месте сейчас клуб санатория «Ялта» Краснознаменного Черноморского флота.

О пребывании Максима Богдановича в Ялте в 1909 году вспоминал отец, Адам Егорович: «К весне 1909 года у него начал развиваться в легких туберкулезный процесс... По совету врачей я повез его в Ялту и поселил в пансион на мо-

В ПОИСКАХ ПАНСИОНА «ШАЛАШ»

лочной ферме «Шалаш», место близ А., место на значительной высоте, довольно благоприятное для слабых». Об этом же пишет в предисловии ко II тому сочинений М. Богдановича (изд. 1928 г.) профессор И. И. Замотин: А. Е. повез сына в Ялту и поселил в пансион на молочной ферме «Шалаш» близко от Аутки, недалеко от дачи Чехова.

Деревня Аутка в то время находилась за чертой Ялты. Она располагалась амфитеатром по Иссарскому шоссе и отрогам яйлы. Улицы ее узки,

извилисты, местами покрыты горами камней.

Среди табачных плантаций, виноградников, холмов, сосновой леса была хорошая верховая и пешеходная тропа, ведущая на яйлу в лесничество и дальше на Бахчисарай.

К сожалению, нет подробного плана дореволюционной Аутки с указанием домовладений и пансионов. Много часов пришлось просидеть нам над дореволюционными путеводителями по Крыму и Ялте. И вот, наконец, в путеводителе «Ялта. Климатический курорт на Южном берегу Крыма», издан-

ном городской управой в 1910 году, нашли рекламу пансиона «Шалаш». Он принадлежал греку Тарнани и находился по правую сторону Аутского шоссе в 200 саженях от дачи Чехова и санатория «Гастрия».

В путеводителе есть фото. «Шалаш» — двухэтажное каменное здание с балконом и лепным украшением над окнами. Много времени прошло с тех пор, но Аутка (ныне Чехово) мало пострадала от времени и войны. Это давало надежду найти дом, в котором жил поэт.

Вооружившись фотокопией

снимка пансиона «Шалаш», мы отправились на поиски. На улице Крымской, 2, обнаружили интересующий нас дом. Он почти не изменился с тех пор: большой, открытый балкон с крышей, на первом этаже — прямоугольные рамы окон, на втором — стрельчатые, расположенные по два окна рядом. Не сохранились только маленькие балкончик справа да название пансиона на фронтоне.

Итак, в этом доме жил юный поэт Богданович вместе с такими же молодыми людьми, как и он сам, путешество-

вал в горы, в лесничество. Здесь, видимо, познакомился с девушкой Книтуной, к которой затем обращены были многие стихи. Здесь он написал стихотворения «Я больной и бескрылый поэт...», «Тыма». Отсюда М. Богданович, окрепший, уехал подальше в пансион дерзаний. Этот дом, кроме могилы поэта на городском кладбище, — единственное памятное место Богдановича в нашем городе, и, думается, установление мемориальной доски на нем необходимо. Вне всякого сомнения, он является памятником культуры.

З. ЛЕВИЦКАЯ,
заведующая отделом Ялтинского краеведческого музея.

На рисунке — пансион «Шалаш». Теперь здесь, на улице Крымской, 2, находятся РСУ треста «Курортстрой» и РСХ терсовета.
Рис. В. ВОЛЧЕНКО.